DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.01.06
УДК 327+94(5)

ЭВОЛЮЦИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ БЛИЖНЕВОСТОЧНЫХ АРХИТЕКТУР БЕЗОПАСНОСТИ

КРЫЛОВ Данила Сергеевич
кандидат политических наук, научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).
E-mail: danila-krylov@yandex.ru
SPIN-код: 5422-5163
ORCID: 0000-0003-1982-4678

ОСТАНИН-ГОЛОВНЯ Василий Дмитриевич
научный сотрудник Отдела Ближнего и Постсоветского Востока Института научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН).
E-mail: ostanin-golovnya@yandex.ru
SPIN-код: 7086-1217
ORCID: 0000-0001-5937-8786

Для цитирования: *Крылов Д.С., Останин-Головня В.Д.* Эволюция и перспективы ближневосточных архитектур безопасности // Ближний и Постсоветский Восток. – 2024. – № 1 (5). – С. 69–91. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.01.06.

Аннотация. Данная статья посвящена исследованию эволюции и перспектив построения архитектур безопасности на Ближнем Востоке. Авторы рассматривают данную проблематику на примере «Щита полуострова» Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), Исламской военной антитеррористической коалиции (ИВАК) и современной концепции инклюзивной архитектуры безопасности (ИАБ). Ближний Восток занимает стратегически важное положение не только во внешней политике России и стран Запада, но и в системе международной безопасности, вследствие чего в данном регионе сталкиваются интересы многих региональных, кроссрегиональных и мировых держав. Проблемное поле исследования охватывает три упомянутые архитектуры безопасности, которые рассматриваются через призму целей и концептуальных основ их создания, возможностей и эффективности их

использования в решении существующих проблем безопасности и потенциальных конфликтов в регионе. По итогам исследования авторы излагают выводы, согласно которым на текущий момент ни одна из архитектур безопасности не способна в полной мере выполнять задачи по разрешению существующих региональных вызовов, угроз и межгосударственных противоречий. Однако предложенная Россией концепция инклюзивной архитектуры безопасности может оказаться эффективной в вопросе стабилизации Ближнего Востока и сопредельных регионов.

Ключевые слова: Ближний Восток, международная безопасность, региональная безопасность, архитектура безопасности, инклюзивная архитектура безопасности, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива, ССАГПЗ, Исламская военная антитеррористическая коалиция, ИВАК.

Evolution and Prospects of Security Architectures in Middle East

Danila S. KRYLOV
PhD in Political Science, Research fellow of the Department of Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).
E-mail: danila-krylov@yandex.ru
SPIN-code: 5422-5163
ORCID: 0000-0003-1982-4678

Vasily D. OSTANIN-GOLOVNYA
Research fellow of the Department of Middle and Post-Soviet East, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences (INION RAN).
E-mail: ostanin-golovnya@yandex.ru
SPIN-code: 7086-1217
ORCID: 0000-0001-5937-8786

For citation: Krylov D.S., Ostanin-Golovnya V.D. (2024). Evolution and Prospects of Security Architectures in Middle East. *Middle & Post-Soviet East*, no. 1 (5), pp. 69–91. (In Russ.) DOI: 10.31249/j.2949-2408.2024.01.06.

Abstract. This article is devoted to the research on the evolution and prospects for building security architectures in the Middle East. The authors consider this issue on the example of the Peninsula Shield Force of the Gulf Cooperation Council (GCC), the Islamic Military Counter Terrorism Coalition (IMCTC) and the modern concept of an inclusive security architecture. The Middle East is a strategic point not only in the foreign policy of Russia and

Western countries, but also in the system of international security, as a result of which the interests of many regional, cross-regional and world powers clash in this region. The problematic field of research covers the three mentioned security architectures, which are considered through the prism of the goals and conceptual foundations of their creation, the possibilities and effectiveness of their use in solving existing security problems and potential conflicts in the region. Based on the results of the study, the authors state the conclusions according to which at the moment none of the security architectures is able to fully fulfill the tasks of resolving existing regional challenges, threats and interstate contradictions. However, the concept of an inclusive security architecture proposed by Russia may turn out to be effective in stabilizing the Middle East and adjacent regions.

Keywords: Middle East, international security, regional security, security architecture, inclusive security architecture, Gulf Cooperation Council, GCC, Islamic Military Counter Terrorism Coalition, IMCTC.

В июне 2022 г. король Иордании, которая является давним союзником Североатлантического альянса, Абдалла II заявил, что готов поддержать идею создания «ближневосточного НАТО»[1]. Для Хашимитского королевства, обделенного природными ресурсами, участие в любых военных кампаниях и блоках исторически было способом поддержания внутренней стабильности и утверждения собственной значимости на внешнеполитической арене. Однако в контексте региональных процессов Ближнего Востока подобные заявления обретают совершенно иной характер.

Разговоры о создании ближневосточного аналога НАТО звучат уже не один год и даже не одно десятилетие. Более того, в истории предпринималась подобная попытка. 24 февраля 1955 г. под эгидой Великобритании был заключен Багдадский пакт, который предполагал формирование военно-политического блока под названием Организация Центрального Договора[2]. В состав СЕНТО (англ. CENTO – The **Cen**tral **T**reaty **O**rganization) входили Вели-

[1] Jordan's king says he believes a Middle Eastern 'NATO' can be built with like-minded countries // CNBC. – 24.06.2022. – URL: https://www.cnbc.com/video/2022/06/24/jordans-king-i-believe-you-can-build-nato-with-like-minded-countries.html?&qsearchterm=Jordan (дата обращения: 10.01.2024).

[2] Baghdad Pact; February 4, 1955 // The Avalon Project. – 2007. – URL: https://web.archive.org/web/20070222110942/http://www.yale.edu/lawweb/avalon/mideast/baghdad.htm (дата обращения: 10.01.2024).

кобритания, Турция, Ирак, Иран и Пакистан; США ограничились статусом «ассоциированного члена», но имели значительное влияние на организацию по линии НАТО и посредством двусторонних отношений с отдельными членами организации. Тем не менее в 1979 г. после Исламской революции в Иране и по причине своей неэффективности СЕНТО прекратил свое существование. В условиях Холодной войны основными задачами блока были сдерживание влияния СССР в регионе и поддержка прозападных режимов. С учетом современных реалий, можно предположить, что основная деятельность аналогичного блока была бы направлена против России и Китая, о чем прямо свидетельствует содержание статьи президента США Джо Байдена для The Washington Post под говорящим заголовком «Почему я еду в Саудовскую Аравию»[3].

Ближний Восток – это один из элементов опоясывающего мир кольца Римленда, который отделяет срединные земли Хартленда от мирового океана, т.е. фактически отделяет континентальные державы (талласократии) от держав океана (теллурократий)[4]. Согласно геополитической концепции Н. Спикмэна, Римленд имеет стратегическое значение для контроля над Евразией, что в том числе объясняет интерес многих мировых держав к процессам и событиям в регионе Ближнего Востока[5]. Кроме того, стратегическое местоположение между Европой и Азией, богатство природных ископаемых (преимущественно углеводородов), а также нестабильное социально-экономическое положение большинства государств Ближнего Востока обуславливают высокую конфликтогенность в регионе как активного (в ходе которых ведутся реальные боевые действия), так и идеологического (которая характеризуется как противостоянием по идейно-ценностной линии, так и отдельными вооруженными столкновения) характера. В настоящее время, активными являются палестино-израильская проблема, сирийский и йеменский конфликты, а крупными идеологическими

[3] Biden J. Why I'm going to Saudi Arabia // The Washington Post. – 09.07.2022. – URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/07/09/joe-biden-saudi-arabia-israel-visit/ (дата обращения: 10.01.2024).

[4] Дугин А. Основы геополитики. – Москва: АРКТОГЕЯ-центр, 2000. – 928 с.

[5] Спикмэн Н. Дж. Политическая карта Евразии. Часть 2. Перевод на русский язык М.Н. Грачева // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». – 2015. – № 1. – С. 49–56.

конфликтами – противостояние Саудовской Аравии и Ирана, Ирана и Израиля, а также противостояние России и Запада (преимущественно с США; в меньшей степени – с Великобританией).

В данной работе под понятием «Ближний Восток» понимается совокупность стран Аравийского полуострова и Сиро-Палестинского региона вместе с государствами-соседями. В итоге список стран следующий (с севера на юг; с запада на восток): Турция, Сирия, Ирак, Иран, Ливан, Израиль, Палестина, Иордания, Египет, Саудовская Аравия, Кувейт, Бахрейн, Катар, Объединенные Арабские Эмираты, Йемен и Оман. При этом три государства (Египет на западе, Турция на севере и Иран на востоке) относятся к региону Ближнего Востока как государства-соседи стран ядра, потому как географически Египет относится к Северной Африке, Турция – к Малой Азии, а Иран – к Среднему Востоку.

Намерения кроссрегиональных (Турция, Иран, Саудовская Аравия, Израиль) и мировых (Россия, США, Великобритания) держав защитить и реализовать свои национальные интересы в регионе порождают, в том числе, стремление к построению архитектур безопасности, которые позволили бы изменить региональный баланс сил в сторону, выгодную конкретному актору. По прошествии десятилетий попыток выстроить подобные структуры к 2022 г. сохранились три, из которых две выстроены под условной эгидой региональных игроков, а еще одна создается при непосредственном участии внерегиональных акторов. Кроме того, США и страны Запада не оставляют попыток сформировать «арабское НАТО». Далее выстроенные системы безопасности будут рассмотрены с точки зрения участия и оценки эффективности при разрешении тех или иных конфликтов и очагов напряженности на Ближнем Востоке.

Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ)

Хронологически первой из сохранившихся на текущий момент попыткой построения самостоятельной архитектуры безопасности в субрегионе Персидского залива можно назвать созданную в 1981 г. ССАГПЗ. В состав Совета входят Саудовская Аравия (лидер организации де-факто), Бахрейн, Катар, Кувейт, ОАЭ и

Оман. Для государств – основателей ССАГПЗ был еще одной демонстрацией арабского единства[6], в то время как для большинства других арабских государств Совет был «исключительным клубом традиционных и доброжелательных автократий…», в состав которого, например, не вошли такие важные региональные игроки как постреволюционный Иран и саддамовский Ирак[7].

До возникновения ССАГПЗ и в годы, последовавшие за окончанием «Pax Britannica» в регионе Персидского залива, различные государства данного субрегиона предпринимали многочисленные усилия для формирования регионального альянса. Иран, Ирак, Оман, Кувейт и Саудовская Аравия в 1970-х годах участвовали в инициативах по налаживанию регионального сотрудничества в области безопасности в зоне Залива, но безуспешно.

Присущее государствам Персидского залива взаимное недоверие парализовало дискуссии о региональном сотрудничестве. Однако в начале 1980-х годов произошел ряд событий, которые бросили вызов стабильности и балансу сил в регионе: ввод советских войск в Афганистан (1979), иранская революция (1979), активизация деятельности салафитских экстремистов после теракта в Мекке (1979), угроза распространения идей исламской революции в монархиях Персидского залива, а также ирано-иракская война (1980–1988). Все эти кризисы стали катализатором и побудили арабские монархии Персидского залива сформировать Совет сотрудничества стран Персидского залива. При этом, согласно Уставу, Совет не создавал какой-либо оборонительный союз. Номинальной целью ССАГПЗ были координация и сотрудничество в экономических, социальных и культурных вопросах. Первоначальный отказ от создания военного блока был также обусловлен намерением предотвратить возможную агрессию со стороны Ирака или Ирана.

Позже, позиция была пересмотрена на фоне интенсификации усилий Тегерана по экспорту исламской революции, а также успехов Ирана (ИРИ) в военных действиях против Ирака. Так, в

[6] Ramazani R.K. The Gulf Cooperation Council Record and Analysis. – Charlottesville: University Press of Virginia, 1988. – P. 12–13.

[7] The Gulf Cooperation Council: Moderation and Stability in an Interdependent World / Sadwick J.A., George McGovern G. (eds.). – Boulder, CO: Westview Press, 1987. – Imprint: Roultedge, New York, 2019. – P. 13. – DOI: 10.4324/9780429311482.

декабре 1981 г. был раскрыт шиитский заговор против эмира Бахрейна, который Эр-Рияд воспринял как угрозу своему существованию[8]. На фоне военных успехов ИРИ в Ираке в 1982 г. объединенные вооруженные силы государств ССАГПЗ провели первые совместные учения «Щит полуострова I», которые были призваны в том числе продемонстрировать единство государств-членов и солидарность в том, что нет иных альтернатив в вопросах безопасности и обороны. Впоследствии, на IV саммите ССАГПЗ, основываясь на результатах учений, возникла стратегия безопасности, которая состояла из двух ключевых столпов: защиты Аравийского полуострова и защиты Ормузского пролива, который является жизненно важной водной артерией, связывающей нефтеносные районы Персидского залива с остальным миром. При этом особое внимание уделялось именно безопасности Ормузского пролива, который, по словам начальника генерального штаба Бахрейна должны был стать «зоной ответственности всех стран мира»[9].

В 1984 г. были проведены вторые совместные учения «Щит полуострова II». К тому моменту произошли изменения в ходе ирано-иракской войны, и регулярно целями для авиаударов становились саудовские и кувейтские танкеры в Персидском заливе. На этом фоне, в конце 1984 г. на V саммите ССАГПЗ было принято решение о создании объединенных вооруженных сил под названием «Щит полуострова» (The Peninsula Shield Force)[10], которые были предназначены для предотвращения и реагирования на акты военной агрессии против любого государства – члена ССАГПЗ[11], а также для защиты уязвимых монархий Аравийского полуострова от угроз со стороны шиитского Ирана. При этом «Щит полуострова» не заменяет регулярных вооруженных сил, а является лишь первой объединенной линией обороны от внешних угроз.

---

[8] Ramazani R.K. The Gulf Cooperation Council Record and Analysis. – Charlottesville: University Press of Virginia, 1988. – P. 18–20.

[9] Ibid. P. 61–62.

[10] Twinam J.W. The Gulf. Cooperation and The Council: An American Perspective. – Washington, D.C.: Middle East Policy Council, 1992. – P. 124.

[11] Guzansky Y. Defence Cooperation in the Arabian Gulf: The Peninsula Shield Force Put to the Test // Middle Eastern Studies. – 2014. – Vol. 5, Issue 4. – P. 640–654. – DOI: 10.1080/00263206.2014.901219.

Активное использование совместной группировки «Щит полуострова» началось позже – в период войны в Персидском заливе 1990–1991 гг. и вторжения США в Ирак в 2003 г.[12] Примечательным является эпизод, когда на фоне массовых протестов 2011 г. Бахрейн запросил у ССАГПЗ ввести ограниченный контингент совместных сил на остров для «обеспечения безопасности и порядка на территории государства»[13].

Что касается современной обстановки, то государства – члены ССАГПЗ и их вооруженные силы активно участвовали в военной кампании Саудовской Аравии в Йемене против повстанцев-хуситов[14]. Тем не менее сам «Щит полуострова» не оказался достаточно эффективным для ведения боевых действий. Вместо этого в Йемене с 2014 г. активно участвуют многие арабские и исламские государства – партнеры Саудовской Аравии, в том числе по Организации исламского сотрудничества. Важно отметить, что по состоянию на начало апреля 2022 г. война в Йемене оказалась «поставлена на паузу»: арабская коалиция и хуситы договорились о перемирии сроком в два месяца. Причиной подобного развития ситуации стал набирающий обороты мировой энергетический кризис на фоне незаконного санкционного давления Запада на Россию из-за специальной военной операции на Украине.

В то же время необходимо подчеркнуть, что «Щит полуострова» как элемент архитектуры безопасности оказался не столь эффективным на фоне длящегося геополитического и идеологического противостояния между Эр-Риядом и Тегераном, особенно по причине отсутствия прямых военных столкновений и актов агрессии одного государства в отношении другого. Данный пример подчеркивает, что исключительно военный компонент системы

[12] Мелкумян Е.С. Совет сотрудничества арабских стран Персидского Залива как институт обеспечения национальной безопасности стран-членов // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. – 2015. – № 9. – С. 455–464.

[13] Бахрейн будет использовать силы «Щит полуострова» для поддержания порядка // Asharq al-Awsat. – 15.03.2021. – Араб. яз. – URL: https://archive.aawsat.com/details.asp?section=1&article=612637&issueno=11795#.YtGHF_NBy-8 (дата обращения: 10.01.2024).

[14] Беленькая М. Полуостров бурь: зачем Саудовская Аравия начала войну в Йемене // РИА Новости. – 26.03.2015. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1857491 (дата обращения: 10.01.2024).

безопасности – не столь эффективен в сравнении с архитектурами, которые задействуют и имеют в своей основе военно-политический инструментарий. Тем не менее «Щит полуострова» нельзя рассматривать в качестве полноценного военно-политического блока, в отличие от Исламской военной антитеррористической коалиции.

Исламская военная антитеррористическая коалиция (ИВАК)

15 декабря 2015 г. наследный принц Саудовской Аравии Мухаммад ибн Салман, занимавший тогда пост министра обороны Королевства, публично выступил с инициативой создания межправительственного военного блока – Исламская военная антитеррористическая коалиция (ИВАК). Идею саудовского наследника поддержали 34 страны, представители которых в марте 2016 г. собрались на саммите в Эр-Рияде, где подтвердили «намерение активизировать общие усилия в борьбе с терроризмом путем совместных действий в соответствии со своими возможностями и на основе желания каждого государства-члена участвовать в инициативах и программах…; без ущерба собственному суверенитету»[15].

Стратегическое ви́дение ИВАК сосредоточено на «координации, объединении и поддержке усилий в интеллектуальной и медийной сферах, а также противодействии финансированию терроризма и повышении эффективности и результативности вооруженных сил государств-членов на основе партнерства с дружественными странами и международными организациями по борьбе с терроризмом»[16]. Работа коалиции ведется по четырем направлениям[17].

---

[15] История Коалиции // Islamic Military Counter Terrorism Coalition. – 25.05.2021. – Араб. яз. – URL: https://imctc.org/ar/AboutUs/History/Pages/default.aspx (дата обращения: 10.01.2024).

[16] Стратегические цели // Islamic Military Counter Terrorism Coalition. – 03.03.2021. – Араб. яз. – URL: https://imctc.org/ar/AboutUs/goals/Pages/default.aspx (дата обращения: 10.01.2024).

[17] Направления работы Коалиции // Islamic Military Counter Terrorism Coalition. – 12.01.2021. – Араб. яз. – URL: https://imctc.org/ar/FocusAreas/Pages/default.aspx (дата обращения: 10.01.2024).

1. Интеллектуальное направление. «Сохранение универсальности вечного послания ислама, поддержание таких исламских принципов и ценностей, как умеренность, терпимость и сострадание, а также противодействие теориям и тезисам террористической мысли путем разъяснения содержания истинного ислама и оказания интеллектуального, психологического и социального воздействия для разоблачения экстремистских террористических концепций».

2. СМИ. «Разработка, производство и публикация реалистичного, научного и привлекательного редакционного контента для использования на коммуникационных платформах и медиаканалах коалиции или других организаций с целью разоблачения и пресечения пропаганды экстремистских групп в СМИ, вселения надежды и оптимизма, и измерение воздействия на сознание и поведение».

3. Борьба с финансированием терроризма. «Сотрудничество и координация усилий с соответствующими органами государств-членов в борьбе с финансированием терроризма, обмен передовым опытом, разработка нормативно-правовой и оперативной базы, а также содействие обмену информацией для предотвращения, выявления и пресечения финансирования терроризма».

4. Военное направление. «Помощь в координации предоставления ресурсов и планировании военных операций по борьбе с терроризмом в государствах-членах, содействие безопасному обмену военной информацией и поощрение государств-членов к наращиванию военного потенциала для борьбы с терроризмом в целях сдерживания насилия и терактов».

С декабря 2016 г. состав Исламской военной антитеррористической коалиции насчитывает 41 страну афро-азиатского пространства, а США, Великобритания и Франция имеют статус «государств поддержки»[18].

Вместе с тем, несмотря на название коалиции, в нее входят далеко не все страны так называемого «исламского мира». Наблю-

[18] Поддерживающие страны // Islamic Military Counter Terrorism Coalition. – 27.01.2021. – Араб. яз. – URL: https://imctc.org/ar/AboutUs/SupportCountries/Pages/default.aspx (дата обращения: 10.01.2024).

дается явная разбалансировка по региональной принадлежности государств-членов[19] (см. табл. 1).

Таблица 1

Распределение государств – членов ИВАК

Регионы	**Государства-члены**	**Доля**
Ближний и Средний Восток	Афганистан, Бахрейн, Джибути, Египет, Иордания, Кувейт, Ливан, Ливия, Мавритания, Марокко, Оман, Пакистан, Палестина, Катар, Саудовская Аравия, Сомали, Судан, Тунис, Турция, ОАЭ, Йемен	**21/41** ≈51%
Африка	Бенин, Буркина-Фасо, Чад, Коморские острова, Кот-д'Ивуар, Габон, Гамбия, Гвинея, Гвинея-Бисау, Мальдивы, Мали, Нигер, Нигерия, Сенегал, Сьерра-Леоне, Того, Уганда	**17/41** ≈42%
Южная и Юго-Восточная Азия	Бангладеш, Бруней, Малайзия	**3/41** ≈7%

Формально ИВАК позиционируется как альянс исключительно антитеррористической направленности, призванный вести борьбу со всеми существующими на современном этапе угрозами в данной сфере в «исламском мире» вне зависимости от источников их происхождения.

Также, помимо региональной разбалансировки, в составе коалиции наблюдается явный перекос в пользу стран с преимущественно суннитским населением. Особенно примечательно отсутствие Ирана – современного политического центра шиитской части «исламского мира», что противоречит декламируемому «общемусульманскому» характеру коалиции. Во многом это объясняется тем, что инициатором выступила Саудовская Аравия, являющаяся прямым геополитическим соперником и идейно-ценностным антагонистам Исламской Республики. Для Эр-Рияда

[19] Государства-участники // Islamic Military Counter Terrorism Coalition. – 27.01.2021. – Араб. яз. – URL: https://imctc.org/ar/AboutUs/MemberCountries/Pages/default.aspx (дата обращения: 10.01.2024).

ИВАК имеет важное идеологическое и пропагандистское значение с целью укрепления позиций Королевства, претендующего на лидерство на Арабском Востоке и в «исламском мире», которое практически невозможно без активной деятельности на международном антитеррористическом фронте.

Значительную часть межгосударственных объединений (организаций) по их реальной деятельности можно разделить на две группы. Первые нацелены на формирование политического образа, демонстрацию возможностей одного государства сплотить вокруг себя коалицию согласных. Они, несмотря на всю активность, используются преимущественно в пропагандистских целях и в связи с этим носят формальный характер. Объединения из второй группы ведут свою деятельность не просто в виде заявлений, но стремятся достичь конкретного результата в определенной сфере (военно-политический, гуманитарной, экономической, энергетической и пр.).

С точки зрения подобной дифференциации ИВАК, несмотря на широкий спектр участников, является исключительно демонстративным объединением из первой группы. Как следует из заявленных целей и проводимых инициатив, данная коалиция является преимущественно политическим объединением, направленным на координацию контртеррористической деятельности, нежели реальной военной силой, которая могла бы вести эффективную и результативную борьбу с угрозами подобного рода. В связи с этим, эффективность противодействия ИВАК угрозам, исходящим от террористических организаций, группировок и квази-государств Ближнего Востока (к последним относится в первую очередь Исламское государство*), была и остается крайне низкой.

Так, в Сирии «Исламское государство»* вместе с другими террористическими группировками было практически полностью уничтожено. Однако произошло это не благодаря усилиям ИВАК или иных подобных региональных структур, но в ходе проведения Российской Федерацией военной операции на территории арабской республики с задействованием как сирийских вооруженных сил, так и вооруженных сил Ирана, несмотря на противодействие США их западных союзников (Великобритании и Франции), а также ряда региональных (Катар) и кроссрегиональных держав (Израиля, Саудовской Аравии). В Ираке «Исламскому го-

сударству»* противостояли преимущественно иракские, курдские и американские вооруженные силы. Участие Саудовской Аравии или их союзников по ИВАК было минимальным или отсутствовало вовсе. В других вооруженных региональных конфликтах, а также в процессе их урегулирования или завершения «горячей» фазы конфликта Исламская военная коалиция по борьбе с терроризмом участия не принимала. Вместе с тем сам факт создания ИВАК вызвал в свое время позитивную реакцию со стороны многих региональных и кроссрегиональных государств, а также мировых держав, включая Бангладеш[20], Малайзию[21], Пакистан[22], Египет[23], Германию[24], Турцию[25], США[26], Китай[27]. Таким образом, возникает вопрос, в чем причина отсутствия нацеленности данной коалиции на достижение реальных результатов.

---

[20] Bangladesh takes up new challenge in Islamic military alliance // The Daily Observer. – 13.01.2016. – URL: https://www.observerbd.com/2016/01/13/130709.php (дата обращения: 10.01.2024).

[21] Wagner D. Malaysia's Future Role in Saudi Arabia's Islamic Military Alliance // International Policy Digest. – 13.03.2017. – URL: https://intpolicydigest.org/malaysia-s-future-role-in-saudi-arabia-s-islamic-military-alliance/ (дата обращения: 10.01.2024).

[22] Baqir Sajjad Syed. Pakistan confirms participation in Saudi-led anti-terror alliance // Dawn. – 17.12.2015. – URL: https://www.dawn.com/news/1226894/ (дата обращения: 10.01.2024).

[23] Egypt's Azhar says Saudi decision to form Islamic military alliance 'historic' // Ahram Online. – 15.12.2015. – URL: https://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/64/173597/Egypt/Politics-/Egypts-Azhar-says-Saudi-decision-to-form-Islamic-m.aspx (дата обращения: 10.01.2024).

[24] Germany welcomes 34-state Islamic military alliance against terrorism // Reuters. – 08.12.2015. – URL: https://www.reuters.com/article/uk-mideast-crisis-germany-idUKKBN0TY14A20151215 (дата обращения: 10.01.2024).

[25] Turkey Welcomes 34-nation Islamic Military Alliance to Fight Terrorism // Haaretz. – 15.12.2015. – URL: https://www.haaretz.com/middle-east-news/2015-12-15/ty-article/turkey-welcomes-islamic-military-alliance/0000017f-f5cf-d460-afff-ffef13790000 (дата обращения: 10.01.2024).

[26] Karen DeYoung. Saudi Arabia launches 'Islamic military alliance' to combat terrorism // The Washington Post. – 15.12.2015. – URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/saudi-arabia-launches-islamic-military-alliance-to-combat-terrorism/2015/12/15/ad568a1c-a361-11e5-9c4e-be37f66848bb_story.html (дата обращения: 10.01.2024).

[27] China backs Islamic Military Alliance to fight terrorism // Arab News. – 21.12.2015. – URL: https://www.arabnews.com/world/news/852756 (дата обращения: 10.01.2024).

Авторы данного исследования предполагают три возможных фактора низкой результативности ИВАК: *отсутствие необходимости*, *внешние ограничения, низкая заинтересованность*. Первый фактор (*отсутствие необходимости*) исходит из тезиса, что Саудовская Аравия, являясь державой, оказывающей влияние не только на процессы в регионе Ближнего Востока, но также и Среднего Востока, Северной Африки, а также Африки южнее Сахары, не испытывает необходимости в получении реальной помощи от других акторов международных отношений, особенно в сферах безопасности и борьбы с терроризмом. Обусловлено это, во-первых, идейно-ценностными аспектами политического курса КСА, включающими в себя позиционирование Эр-Рияда как безусловного лидера арабского мира и гегемона в зоне Залива, а также укрепление имиджа «родины ислама» и главного защитника исламских ценностей в мире. Во-вторых, главенство Саудовской Аравии в ССАПГЗ и отсутствие в Совете государств, которые могут бросить вызов идеологическому и военно-политическому лидерству КСА, позволяет Эр-Рияду в достаточной мере (в контексте достижения своих интересов) управлять региональными процессами как в экономике, так и в области безопасности и совместного противостояния новым вызовам и угрозам[28].

Второй фактор (*внешние ограничения*) зиждется на том факте, что, несмотря на противоречивую и неконструктивную политику администрации Дж. Байдена, Саудовская Аравия на протяжении многих лет являлась одним из ключевых партнеров США на Ближнем Востоке. Вместе с тем нацеленность Вашингтона на установление в интересующих их странах подконтрольных правительств, в том числе при помощи революционных действий, привело к постепенному осознанию многими кроссрегиональными державами, включая Саудовскую Аравию, опасности, исходящей от амбиций США в регионе[29]. При этом подобные угрозы направлены не только в отношении режимов в каждом отдельном госу-

[28] Мелкумян Е.С. Совет сотрудничества арабских стран Персидского Залива как институт обеспечения национальной безопасности стран-членов // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. – 2015. – № 9. – С. 455–464.

[29] Аватков В.А., Останин-Головня В.Д. Дихотомия Восток – Запад. Идейно-ценностное измерение мировой политики // Свободная мысль. – 2022. – № 3 (1693). – С. 115–120.

дарстве, но и влияют на общерегиональную стабильность на Ближнем Востоке, в том числе лишая ряд государств Востока права на суверенитет и монополии на легитимное использование военной силы[30]. Таким образом, попытки контролировать деятельность ближневосточных акторов международных отношений, их идеи и амбиции, могут являться одним из ограничивающих факторов, которые сдерживают КСА от превращения ИВАК в полноценный оборонительный блок. К этому следует добавить современные проблемы и сложности американо-саудовских отношений в военно-политической и энергетической сферах (по линии ОПЕК и ОПЕК+ в области объемов добычи и цен на энергоносители). При этом на фоне эскалации украинского кризиса в 2022 г. Саудовская Аравия отказалась вводить санкции против России, чем значительно усилила влияние в регионе, но и вызвала одновременно негативную реакцию со стороны США.

Наконец, в основе третьего фактора (*низкая заинтересованность*) лежит предположение, что на исключительно политический и декларативный характер деятельности ИВАК влияет низкий (возможно, в отдельных случаях нулевой) уровень заинтересованности государств в каких-либо реальных действиях. Причины подобного могут быть крайне различными и включать в себя как недостаточность ресурсов, сил и средств у тех или иных участников коалиции, так и не слишком сильное желание поддерживать амбиции и устремления Саудовской Аравии. Особенно это касается государств, которые сами являются кроссрегиональными лидерами и имеют свои собственные цели в исламском мире и на Ближнем Востоке, например, Турецкой Республики[31].

Следует отметить, что несмотря на актуальные и важные задачи, которые были поставлены перед ИВАК, реальные итоги деятельности данной организации за пределами информационно-политического дискуссионного пространства являются крайне низкими. При этом существует по меньшей мере три фактора, которые способствуют подобному исходу. Среди них крайне сложно

[30] Ближний Восток: политика и идентичность. Коллективная монография / под ред. И.Д. Звягельской. – ИМЭМО РАН. – Москва: Аспект Пресс, 2020. – 336 с.

[31] Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия в Турции // Свободная мысль. – 2014. – № 3. – С. 71–78.

выделить один доминирующий, поскольку каких-либо заявлений с оценками реальной деятельности ИВАК официальными лидерами сделано не было, из чего следует невозможность установления реальных причин. Кроме того, каждый из трех факторов может существовать как в отдельности, так и в системе с другими.

Тем не менее исследование концепции Исламской военной антитеррористической коалиции, ее целей и задач – крайне важно для понимания региональных процессов, связанных с построением архитектур безопасности на Ближнем Востоке. России, которая стремится и последовательно создает собственную структуру безопасности в регионе, необходимо учитывать как позитивный, так и негативный опыт Саудовской Аравии в этом вопросе, которая является одновременно лидером в других объединениях, в том числе в сфере экономики (ССАГПЗ) и энергетики (ОПЕК).

Инклюзивная архитектура безопасности на Ближнем Востоке

Третьей, и наиболее эффективной в контексте региональных противоречий на данный момент является **инклюзивная архитектура безопасности (ИАБ) на Ближнем Востоке** (официальное название отсутствует), которая первоначально была выстроена Россией с участием Турции и Ирана на базе «Астанинского формата» с целью урегулирования сирийского конфликта. «Инклюзивность» в данном случае означает вовлечение в диалог всех акторов, оказывающих решающее влияние на региональные процессы в сфере обороны и безопасности, поддержания мира и стабильности[32]. Трехсторонние отношения Россия – Иран – Турция являются основой функционирования инклюзивной архитектуры безопасности в регионе.

Реализуя национальные интересы и стремясь урегулировать сирийский кризис, Москва добилась сближения Тегерана и Анкары по ряду ключевых региональных вопросов. Одним из важнейших отличий инклюзивной архитектуры безопасности от

[32] Крылов Д.С. Инклюзивная архитектура безопасности на Ближнем Востоке: особенности функционирования и перспективы расширения // Международные отношения. – 2021. – № 3. – С. 1–14. – DOI: 10.7256/2454-0641.2021.3.36184.

иных военных блоков и военно-политических альянсов является ее гибкость и нацеленность на диалог и поиск компромисса в случае возникновения противоречий между странами-участницами. Следует также отметить, что Турция – один из постоянных членов ИАБ – одновременно с этим является государством – членом НАТО. И при этом отношения между Турцией и Россией в настоящий момент являются более благоприятными, чем были до того, как начала функционировать инклюзивная архитектура безопасности.

Поскольку архитектура отвечает стратегическим интересам России, Турции и Ирана и необходима для реализации эффективной и результативной внешнеполитической линии защиты экономических интересов, поддержания имиджа и развития двусторонних отношений Москвы с региональными и кроссрегиональными державами[33], система имеет возможности и потенциал расширения списка участников, которые в дальнейшем могут положительно повлиять на политическую стабильность и снизить риски распространения глобальных угроз, таких как революционные события и террористическая деятельность радикальных формирований, направленная на дестабилизацию мировой системы международных отношений. Наибольший интерес для развития архитектуры представляет вовлечение в политический процесс и диалог Израиля и Саудовской Аравии.

Так, позиции России и Саудовской Аравии совпадают по вопросу разрешения палестино-израильского конфликта на основе принципа «два государства для двух народов». При этом Эр-Рияд, обладающий региональным религиозным и политическим влиянием, существенно проигрывает «партнерам» в военном плане, что явно демонстрируют незначительные успехи сухопутной войны в Йемене. Вместе с тем наметившееся «сближение» КСА и Израиля создает трудности как внутри-, так и внешнеполитического плана. Однако, несмотря на это, Эр-Рияд начал курс на налаживание от-

[33] Сапронова М.А. Проблемы и пределы регионализации в арабском мире и экономические интересы России на Ближнем Востоке // Вестник экономики, права и социологии. – 2019. – Т. 2, № 3. – С. 157–163.

ношений с официальным правительством Сирии[34]. Что касается конфликта Израиль – Иран, то здесь сохраняется сложная ситуация, связанная в первую очередь с многолетними противоречиями между Тель-Авивом и Тегераном и фактическим отказом сторон от конструктивного диалога[35].

Потенциально в будущем возможно вовлечение Саудовской Аравии в созданную на Ближнем Востоке инклюзивную архитектуру безопасности, в то время как участие в этом процессе Израиля видится пока менее вероятным. При этом, с точки зрения мир-системного подхода не только основные игроки существующей ИАБ (Россия, Турция), но и наиболее ценные для вовлечения в структуру страны (Израиль и Саудовская Аравия) относятся к государствам полупериферии. Таким образом, если трансформировать структуру, чтобы она включала в себя указанные четыре государства плюс Иран, политика которого многие годы поддерживала очаги напряженности, то в перспективе возможно создание архитектуры безопасности, которая сможет снизить уровень эскалации большинства ближневосточных конфликтов (как вооруженных, так и идеологических).

В настоящее время пророссийская архитектура позволяет с определенной долей эффективности разрешать противоречия исключительно вокруг Сирии (поскольку это основной трек применения инструментария политических и военных мер в рамках ИАБ). Открытым остается палестино-израильский конфликт, который усугубляется противоречиями между Ираном и Израилем, а также Ираном и Саудовской Аравией. Кроме того, укрепление позиций России в регионе Ближнего Востока оказывает дополнительное негативное влияние на характер двусторонних связей между Россией и США[36].

---

[34] Щегловин Ю.Б. О процессе восстановления отношений Сирии с арабскими государствами // Институт Ближнего Востока. – 06.01.2019. – URL: http://www.iimes.ru/?p=52090 (дата обращения: 10.01.2024).

[35] Сажин В. «Серая зона» – к вопросу об ирано-израильских отношениях // Международная жизнь. – 28.04.2021. – URL: https://interaffairs.ru/news/show/29955 (дата обращения: 10.01.2024).

[36] Крылов Д.С. Влияние технологий рефлексивного управления на инклюзивную архитектуру безопасности на Ближнем Востоке // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 2 (2). – С. 80–97. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.05.

Ближневосточный стратегический альянс

Вашингтон на протяжении десятилетий рассматривал Ближний Восток как зону национальных интересов и по сей день не отказывается окончательно от планов по созданию нового военного блока «**Ближневосточный стратегический альянс**» (MESA – Middle East Strategic Alliance, по аналогии с НАТО), деятельность которого будет направлена на противодействие угрозам со стороны Ирана[37]. В состав MESA должны войти суннитские государства – партнеры США, которые выработают совместные механизмы реагирования на внешнюю агрессию, создадут единую систему ПВО-ПРО.

При этом наибольший интерес к созданию альянса из держав Ближнего Востока проявляют Саудовская Аравия (которая является лидером и инициатором многих структур безопасности в регионе) и ОАЭ (которые имеют низкий потенциал противодействия иранскому влиянию в одиночку). Тем не менее данный альянс пока является не более чем проектом, при этом озвучен был еще в 2018 г. экс-президентом США Д. Трампом.

Таким образом, до смены власти в Белом доме, крайне маловероятными видятся какие-либо шаги, направленные на создание данного альянса, не говоря о его практическом использовании в существующих вооруженных и идеологических конфликтах на Ближнем Востоке.

* * *

Подводя итог следует отметить ряд ключевых особенностей всех современных архитектур безопасности на Ближнем Востоке. Во-первых, лидерами во всех этих структурах преимущественно являются государства полупериферии, в то время как державы центра в них почти не участвуют и не имеют собственных региональных аналогов.

---

[37] Никитина Н., Алексеева Н. НАТО по-арабски: возможно ли создание антииранского военного альянса между США и ближневосточными странами // RT на русском. – 31.08.2018. – URL: https://russian.rt.com/world/article/549848-ssha-vostok-objedinenie (дата обращения: 10.01.2024).

Во-вторых, как показывает практика, государства равного уровня по мир-системной градации быстрее и эффективнее приходят к диалогу и поиску компромиссов. Вероятно, это дополнительно усиливается стремлением государств полупериферии избавиться от навязанной политики государств центра, вести суверенную внешнюю и внутреннюю политику, стремиться занять позиции центра в регионе или на мировом уровне, а также не допустить перехода в статус держав периферии.

В-третьих, ни одна из архитектур не включает в свой состав Израиль (по состоянию на апрель 2022 г.), интересы и политика которого являются одним из краеугольных камней построения долгосрочной и реально функционирующей системы безопасности, способной нивелировать любые риски и эффективно снизить уровень конфликтности в регионе. Это связано также с тем, что Тель-Авив активно вовлечен в палестино-израильский конфликт и в идеологическое противостояние с Ираном.

В-четвертых, несмотря на то что ни одна из архитектур безопасности на Ближнем Востоке на данный момент не позволяет решить все существующие региональные противоречия, именно российский вариант инклюзивной архитектуры безопасности имеет наибольшую эффективность в настоящее время и наибольший потенциал в будущем. Вместе с тем России и всем заинтересованным сторонам следует сохранять баланс сил и интересов и не допускать перехвата инициативы и применения силы (как «жесткой», так и «мягкой») со стороны государств центра (США, Великобритании).

* – *организация, запрещенная на территории Российской Федерации.*

Список источников и литературы

1. Аватков В.А. Неоосманизм. Базовая идеологема и геостратегия в Турции // Свободная мысль. – 2014. – № 3. – С. 71–78.
2. Аватков В.А., Останин-Головня В.Д. Дихотомия Восток – Запад. Идейно-ценностное измерение мировой политики // Свободная мысль. – 2022. – № 3 (1693). – С. 115–120.

3. Беленькая М. Полуостров бурь: зачем Саудовская Аравия начала войну в Йемене // РИА Новости. – 26.03.2015. – URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/1857491 (дата обращения: 10.01.2024).
4. Ближний Восток: политика и идентичность. Коллективная монография / под ред. И.Д. Звягельской. – ИМЭМО РАН. – Москва: Аспект Пресс, 2020. – 336 с.
5. Дугин А. Основы геополитики. – Москва: АРКТОГЕЯ-центр, 2000. – 928 с.
6. Крылов Д.С. Влияние технологий рефлексивного управления на инклюзивную архитектуру безопасности на Ближнем Востоке // Ближний и Постсоветский Восток. – 2023. – № 2 (2). – С. 80–97. – DOI: 10.31249/j.2949-2408.2023.02.05.
7. Крылов Д.С. Инклюзивная архитектура безопасности на Ближнем Востоке: особенности функционирования и перспективы расширения // Международные отношения. – 2021. – № 3. – С. 1–14. – DOI: 10.7256/2454-0641.2021.3.36184.
8. Мелкумян Е.С. Совет сотрудничества арабских стран Персидского Залива как институт обеспечения национальной безопасности стран-членов // Ислам на Ближнем и Среднем Востоке. – 2015. – № 9. – С. 455–464.
9. Никитина Н., Алексеева Н. НАТО по-арабски: возможно ли создание антииранского военного альянса между США и ближневосточными странами // RT на русском. – 31.08.2018. – URL: https://russian.rt.com/world/article/549848-ssha-vostok-objedinenie (дата обращения: 10.01.2024).
10. Сажин В. «Серая зона» – к вопросу об ирано-израильских отношениях // Международная жизнь. – 28.04.2021. – URL: https://interaffairs.ru/news/show/29955 (дата обращения: 10.01.2024).
11. Сапронова М.А. Проблемы и пределы регионализации в арабском мире и экономические интересы России на Ближнем Востоке // Вестник экономики, права и социологии. – 2019. – Т. 2, № 3. – С. 157–163.
12. Спикмэн Н. Дж. Политическая карта Евразии. Часть 2. Перевод на русский язык М.Н. Грачева // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение». – 2015. – № 1. – С. 49–56.
13. Щегловин Ю.Б. О процессе восстановления отношений Сирии с арабскими государствами // Институт Ближнего Востока. – 06.01.2019. – URL: http://www.iimes.ru/?p=52090 (дата обращения: 10.01.2024).
14. Baghdad Pact; February 4, 1955 // The Avalon Project. – 2007. – URL: https://web.archive.org/web/20070222110942/http://www.yale.edu/lawweb/avalon/mideast/baghdad.htm (дата обращения: 10.01.2024).

15. Bangladesh takes up new challenge in Islamic military alliance // The Daily Observer. – 13.01.2016. – URL: https://www.observerbd.com/2016/01/13/130709.php (дата обращения: 10.01.2024).
16. Baqir Sajjad Syed. Pakistan confirms participation in Saudi-led anti-terror alliance // Dawn. – 17.12.2015. – URL: https://www.dawn.com/news/1226894/ (дата обращения: 10.01.2024).
17. Biden J. Why I'm going to Saudi Arabia // The Washington Post. – 09.07.2022. – URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/2022/07/09/joe-biden-saudi-arabia-israel-visit/ (дата обращения: 10.01.2024).
18. China backs Islamic Military Alliance to fight terrorism // Arab News. – 21.12.2015. – URL: https://www.arabnews.com/world/news/852756 (дата обращения: 10.01.2024).
19. Egypt's Azhar says Saudi decision to form Islamic military alliance 'historic' // Ahram Online. – 15.12.2015. – URL: https://english.ahram.org.eg/NewsContent/1/64/173597/Egypt/Politics-/Egypts-Azhar-says-Saudi-decision-to-form-Islamic-m.aspx (дата обращения: 10.01.2024).
20. Germany welcomes 34-state Islamic military alliance against terrorism // Reuters. – 08.12.2015. – URL: https://www.reuters.com/article/uk-mideast-crisis-germany-idUKKBN0TY14A20151215 (дата обращения: 10.01.2024).
21. Guzansky Y. Defence Cooperation in the Arabian Gulf: The Peninsula Shield Force Put to the Test // Middle Eastern Studies. – 2014. – Vol. 5, Issue 4. – P. 640–654. – DOI: 10.1080/00263206.2014.901219.
22. Jordan's king says he believes a Middle Eastern 'NATO' can be built with like-minded countries // CNBC. – 24.06.2022. – URL: https://www.cnbc.com/video/2022/06/24/jordans-king-i-believe-you-can-build-nato-with-like-minded-countries.html?&qsearchterm=Jordan (дата обращения: 10.01.2024).
23. Karen DeYoung. Saudi Arabia launches 'Islamic military alliance' to combat terrorism // The Washington Post. – 15.12.2015. – URL: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/saudi-arabia-launches-islamic-military-alliance-to-combat-terrorism/2015/12/15/ad568a1c-a361-11e5-9c4e-be37f66848bb_story.html (дата обращения: 10.01.2024).
24. Ramazani R.K. The Gulf Cooperation Council Record and Analysis. – Charlottesville: University Press of Virginia, 1988. – 240 p.
25. The Gulf Cooperation Council: Moderation and Stability in an Interdependent World / Sadwick J.A., George McGovern G. (eds.). – Boulder, CO: Westview Press, 1987. – Imprint: Roultedge, New York, 2019. – 289 p. – DOI: 10.4324/9780429311482.

26. Turkey Welcomes 34-nation Islamic Military Alliance to Fight Terrorism // Haaretz. – 15.12.2015. – URL: https://www.haaretz.com/middle-east-news/2015-12-15/ty-article/turkey-welcomes-islamic-military-alliance/0000017f-f5cf-d460-afff-ffef13790000 (дата обращения: 10.01.2024).
27. Twinam J.W. The Gulf. Cooperation and The Council: An American Perspective. – Washington, D.C.: Middle East Policy Council, 1992. – 294 p.
28. Wagner D. Malaysia's Future Role in Saudi Arabia's Islamic Military Alliance // International Policy Digest. – 13.03.2017. – URL: https://intpolicydigest.org/malaysia-s-future-role-in-saudi-arabia-s-islamic-military-alliance/ (дата обращения: 10.01.2024).
29. Бахрейн будет использовать силы «Щит полуострова» для поддержания порядка // Asharq al-Awsat. – 15.03.2021. – Араб. яз. – URL: https://archive.aawsat.com/details.asp?section=1&article=612637&issueno=11795#.YtGHF_NBy-8 (дата обращения: 10.01.2024).
30. Государства-участники // Islamic Military Counter Terrorism Coalition. – 27.01.2021. – Араб. яз. – URL: https://imctc.org/ar/AboutUs/MemberCountries/Pages/default.aspx (дата обращения: 10.01.2024).
31. История Коалиции // Islamic Military Counter Terrorism Coalition. – 25.05.2021. – Араб. яз. – URL: https://imctc.org/ar/AboutUs/History/Pages/default.aspx (дата обращения: 10.01.2024).
32. Направления работы Коалиции // Islamic Military Counter Terrorism Coalition. – 12.01.2021. – Араб. яз. – URL: https://imctc.org/ar/FocusAreas/Pages/default.aspx (дата обращения: 10.01.2024).
33. Поддерживающие страны // Islamic Military Counter Terrorism Coalition. – 27.01.2021. – Араб. яз. – URL: https://imctc.org/ar/AboutUs/SupportCountries/Pages/default.aspx (дата обращения: 10.01.2024).
34. Стратегические цели // Islamic Military Counter Terrorism Coalition. – 03.03.2021. – Араб. яз. – URL: https://imctc.org/ar/AboutUs/goals/Pages/default.aspx (дата обращения: 10.01.2024).